Паре на диване потребовалось некоторое время, чтобы проснуться. Когда они проснулись, то почувствовали, что их окружают глаза.

Гарри крепче сжал Гермиону, уткнувшись носом в ее волосы. Гермиона сонно открыла глаза, несколько раз моргнула и снова их закрыла. — Скажи мне, что я сплю, пожалуйста.

Лили рассмеялась. «Хорошо. Гермиона, ты спишь. А теперь вставай, чтобы мы могли открыть подарки!»

Гермиона подавила стон, чувствуя себя более измотанной, чем могла бы подумать. Она заснула с облегчением от того, что Гарри не попросил больше объяснить ее странное поведение, и с ощущением ночных волнений прошлой ночи. Однако слово «подарки» разбудило Гарри, и он был готов начать день.

"Сегодня Рождество!" — воскликнул Гарри, его глаза сияли от радости.

Сириус и Ремус захихикали, а Джеймс хлопнул сына по плечу. «Нет. Отличное наблюдение, Капитан Очевидность».

Глаза Гарри слегка потускнели, но снова прояснились. "Заткнись. Сегодня Рождество!"

Детская радость в его глазах заставила Гермиону рассмеяться, и она откинулась на него, наслаждаясь твердостью его груди. Он был ее... и это было их первое совместное Рождество.

В конце концов Мародеры и Лили вытащили Гарри и Гермиону из «кровати» (дивана) в «надлежащую» одежду (пижаму) и спустили по лестнице со всем необходимым (подарки). Все вместе они сели под рождественскую елку, которую Гермиона попросила Хагрида принести в гостиную Гриффиндора. Она и остальные гриффиндорцы весело провели день, создавая украшения и убеждая фей сесть на их елку. Алиса очень хорошо научилась делать вечный лед, поэтому на некоторых ветвях дерева были маленькие сосульки. Первокурсники и второкурсники использовали оберегающие чары на длинных нитях попкорна и самодовольно ухмыльнулись, когда профессор Флитвик попросил показать их елку, и впоследствии присудил им по десять баллов перед слизеринцами. Цветные шары преобразились к третьему и четвертому курсу, и светится к пятому и шестому годам. Семикурсники контролировали и помогали со сложными заклинаниями, добавляя некоторые другие штрихи к готовому продукту. Дерево было красивым, хотя и немного лишенным зеленых украшений и скорее покрытым красными и золотыми гирляндами. Профессор МакГонагалл дала им по десять баллов за такую великолепную идею, что вывело Гриффиндор на первое место в борьбе за кубок факультета.

Повсюду вокруг них были подарки, некоторые ярко раскрашенные коробки больше других, и несколько неуклюже завернутых фигур, более загадочных. Судя по выражению лиц мальчика, уже давно пора открывать подарки. Пока Джеймс и Гарри восхищались своими девушками в шортах и майках, Ремус и Сириус прыгали вокруг и требовали, чтобы все перестали пялиться и начали открываться.

Однако у Гермионы и Лили были другие идеи. Они усадили всех, и сделали груды подарков для каждого человека. У Джеймса и Ремуса были самые большие стопки, а у Гарри и Гермионы — самые маленькие. Но ни зависти, ни взглядов не было видно, что было приятной переменой для Гарри и Гермионы. За исключением шестого курса, Гарри и Гермиона проводили с Роном каждое Рождество. Он всегда демонстрировал свою ревнивую натуру, глядя на Гарри из-за подарков, которые ему дарили, хотя его стопка была значительно больше.

Наконец, перед каждым стояла куча подарков. Лили взяла ситуацию под контроль, раздав всем сначала подарки от Джеймса, в то время как Джеймс получил подарок от одного из своих родственников. Липкая оберточная бумага полетела, когда Сириус и Ремус раскрыли свои подарки, а остальные аккуратно развернули бумагу на своих подарках. Ремус получил два подарка: мягкую игрушку хомяка, к которой прилагалась книга под названием « Как справиться с вашей пушистой маленькой проблемой» .и книга о чарах. Лили купила пару прекрасных сережек, золотых с рубинами и мелкими бриллиантами. Гермиона получила золотой браслет с подвеской в виде маленького золотого оленя. Гарри получил снаряжение для квиддича, подходящее для ловца, взамен потерянного набора. У Сириуса также было два подарка. Первым была пара обтягивающих белых штанов, а второй был самым любопытным подарком. Это было кольцо для ключей с четырьмя ключами.

Сириус посмотрел на Джеймса, в его глазах мелькнули эмоции. "Щупы..."

Джеймс торжественно улыбнулся. «Одна в дом моих родителей. Одна в дом Энди. Одна в дом, который оставил тебе твой дядя. И одна в квартиру в Волшебном Лондоне. вы бы не возражали».

Гермионе пришлось на мгновение отвести взгляд, когда Сириус обнял Джеймса. Дружба двух мальчишек — на самом деле мужчин — была более сложной и трагичной, чем дружба Гермионы и Гарри или даже Гарри и Рона. Эти двое прошли через многое вместе и пройдут еще больше, прежде чем их насильственно разлучат.

После того, как несколько отдельных слез были вытерты, они вернулись к дарению подарков. Лили вручила ей подарки первой. Чучело волка для Ремуса, который поклялся, что любит Гермиону после первого полнолуния. (Ему больше нравился немного крупный волк, чем кровожадный монстр.) Флакон дорогого одеколона для Джеймса. Мягкая собака для Сириуса. Маленький флакон такого же одеколона для Гарри. Амулет-медальон для Гермионы, который открылся изображением Лили и Джеймса. Лили открыла подарок Петунии, маггловскую книгу под названием « Итак, ты хочешь стать волшебником?» и записка, которая заставила Лили вытереть глаза.

Сириус пошел следом, взволнованно раздавая свои подарки. Гермиона получила маленькую золотую грим для своего браслета, а Лили получила прекрасное платье, которое подходило к ее серьгам. Ремусу подарили большую коробку швейцарского шоколада, а Гарри — коробку с фотографиями Мародеров и Лили за все годы их пребывания в Хогвартсе. Ему было очень больно узнать, что Гарри никогда не знал своих родителей, а только немного о себе и Ремусе. Это был лучший подарок, который он мог сделать Гарри, и Гермиона крепко обняла его и улыбнулась за его заботу. Гарри неожиданно обнял Сириуса, на что мальчик ответил с изяществом. Джеймсу подарили боксеры и волшебные часы.

Подарки Ремуса были не такими дорогими: Лили получила от Джеймса браслет, соответствующий ее подарку, а Гермиона — волка за свой браслет. Гарри дали шоколад, как Джеймсу и Сириусу.

Подарки Гермионы были немного другими. Джеймсу подарили набор книг о Джеймсе Бонде, который они для него купили, а Лили подарили ожерелье. Это была красивая вещь, которая подходила к серьгам и браслету. В центре был большой рубин, достаточно большой, чтобы девушка ахнула, но не слишком большой, чтобы помешать ей носить его каждый день.

Отдавая его подруге, Гермиона наклонилась и прошептала ей на ухо. «Лили? Если ты когда-нибудь попадешь в беду, это ожерелье имеет самую сильную защиту, которую Гарри и я могли бы на него надеть. безопасное место.

Лили посмотрела на Гермиону широко открытыми глазами и кивнула. Дарение подарков продолжалось, и Ремус получил сморщенный сундук, в котором, когда он был увеличен, вмещался аконит за три месяца, а также несколько связок ингредиентов и список с четкими инструкциями. Когда ее спросили, Гермиона улыбнулась. «Я бы добавил больше волчьего аконита, но срок годности у него всего три месяца. Я дал вам инструкции, как его приготовить, и все ингредиенты, которые вам понадобятся, кроме двух, которые должны быть свежими. Это от меня и Гарри." Ремус был удовлетворен этим ответом и был поражен тем, что дал ему сундук. Сириус тоже был в восторге от подарка от Гарри и Гермионы. Они купили ему мотоцикл, такой же, какой он купил изначально. Мотоцикл уменьшился в размерах, готовый к увеличению всего лишь произнесенным словом.

— Откуда ты знаешь… — начал было Сириус, но покачал головой. «Неважно. Я не хочу знать».

Гарри подарил Гермионе три амулета для ее браслета: льва, выдру и еще один амулет-медальон с его изображением. Внутри я буду любить тебя вечно и всегда было выгравировано. Это заслужило поцелуй, и Гарри был вполне доволен наградой. Она дала ему свой дневник, неотредактированный и полный любви к нему.

Гарри дал несколько маленьких подарков, а остальные открыли то, что осталось от их стопок. Гермионе подарили исправленную книгу Зельеварения от Северуса, который приехал навестить свою мать на Рождество. Ей также подарили подарки некоторые из ее слизеринцев и некоторые другие ее ученики. Питер не прислал ей чар, и за это она была ему благодарна. Вместо этого он подарил ей книгу. Девочки, с которыми она жила в общежитии, также подарили ей маленькие вещи, а некоторые другие гриффиндорцы подарили ей маленькие подарки.

К обеду все проголодались и собрались в своих комнатах, чтобы переодеться в подходящую одежду для выхода. Когда они снова встретились в гостиной, Гарри и Гермиона переглянулись и расхохотались.

"Что это?" — спросили остальные, уже привыкшие к, казалось бы, беспорядочным хохотам парочки.

Гермиона ответила за Гарри. «Он находит странным не носить свитер Уизли. Я нахожу странным не скучать по Уизли. Для нас это очень странная ситуация».

Странные ситуации игнорировались, обед был веселым занятием, мальчики устраивали представления и шалили для девочек, которые хлопали, а иногда и целовались. Профессора с изумлением наблюдали, как Гермиона смеялась и хлопала в ладоши, ее щеки покраснели и устали от улыбки, а глаза блестели и были счастливы.

«Ты был прав, Минерва. Она выглядит совсем по-другому», — заметил Слизнорт.

— Конечно, я был прав. Это новый Поттер, который только что прибыл. Клянусь, эта девица по уши в него влюбилась. На днях они чуть не сбили меня с ног, крича и хохоча, как хулиганы. Это удивило всех учителей в округе.

«Мисс Грейнджер ведет себя как хулиганка! Я никогда…»

— Мисс Грейнджер! Я не совсем верю этой Минерве.

«Гермиона Грейнджер! Это невозможно!»

МакГонагалл только покачала головой. Они носились по коридорам, смеялись и кричали, как маленькие негодяи. Но, должен признать, это была приятная перемена. Я никогда не видел, чтобы она вела себя так... безоговорочно. лицо девушки, это точно».

Помона покачала головой. «Гермиона улыбается? Она улыбается достаточно часто, и раньше…»

Профессор Синестра задумчиво посмотрела на коллегу. «Да, но это не были настоящие улыбки. Ее глаза всегда выглядели такими грустными».

Слагхорн усмехнулся. «За исключением того момента, когда она посмотрела на Поттера. Я думал, что она влюблена в него. Но я подожду, чтобы увидеть, что будет с юным Северусом. Однажды днем он вылетел из моего класса, даже не оглянувшись. что его так разозлило. «Миссис Гермиона Поттер» было написано во всех заметках этой девушки, или то, что, по ее мнению, могло сойти за заметки. Тем не менее, ей удалось сварить идеальное Оборотное зелье, так что мне не на что жаловаться. В любом случае, бедный мальчик был так счастлив, когда она заверила его, что ей не нравится Джеймс Поттер, это было забавно».

Минерва редко улыбнулась. «У этой девушки настоящий характер. Она всегда помогает своим друзьям, всегда помогает людям, которых даже не знает, и почти все свое время тратит на то, чтобы делать добро другим. Тем не менее, она никогда не ведет себя, как другие подростки ее возраста. , даже такие зрелые, как Лили Эванс. Эта девушка ведет себя так, как будто она была на этой Земле сто лет».

Синестра только рассмеялась. «Я не сомневаюсь в этом, Минерва. Эта девушка — самая умная ведьма, которую я видел проходящей через наши двери за все годы моей работы здесь. Я никогда не видел, чтобы ученики так легко постигали Эотийский Комплекс. однажды совершит великие дела..."

Флитвик нетерпеливо вмешался в разговор. «Ее сердце тоже! Я был поражен тем, сколько времени и усилий она посвящает ученикам, которых я попросил ее обучать. их, но они могут сделать их достаточно хорошо, чтобы получить E на своих экзаменах. В моем офисе было по крайней мере семь групп родителей, которые спрашивали, что я изменил. Они были так удивлены, когда получили отчеты о проделанной работе и своих детях. прошло."

Слизнорт глубокомысленно кивнул. — Мисс Грейнджер — находка для Хогвартса, это точно. Но эта юная леди временами может быть довольно странной, не так ли?

Это увело череду мыслей в другом направлении, о котором профессора часто думали, а потом отбрасывали. Но, представив возможность, они стремились высказать свои мысли.

"О да, в самом деле. Эта девушка почти не ест! Она палка!" Это исходило от круглого профессора гербологии, который взволнованно посмотрел на улыбающуюся девушку.

«И она может огрызнуться на кого-нибудь по самым странным причинам. Единственный раз, когда я видел ее по-настоящему рассерженной, был с девушкой Скитер».

«У нее очень странные привычки. Она сканирует комнату, как кролик, загнанный в угол, с палочкой всегда в руке, что напоминает мне Грюма».

«Никогда не спит, эта девушка. Я видел, как она целыми днями не спала».

"У вас есть?"

"Да. Ей снились ужасные кошмары, и она бродила по коридорам. Я спросил ее, почему ее нет дома, и она сказала, что если снова заснет, то разбудит соседей по общежитию своими криками. Сказала мне совершенно спокойным голосом. что иногда во сне она не могла остановить их появление и не хотела беспокоить своих соседей по общежитию. Я спросил ее, не хочет ли она немного сна без сновидений, и она отказалась! Она сказала, что не хочет становиться зависимой от Сказала мне так серьезно, как вам угодно, что если она начнет, то не уверена, что сможет остановиться, но было бы хорошо, если бы ей хоть раз не приснился сон. Затем она покачала головой и сказала: также означало бы, что мне не будут сниться хорошие сны. Они действительно приходят время от времени », и спросил, должна ли она вернуться в свое общежитие».

— Ты отправил ее обратно?

— Да. Я действительно хотел, чтобы она немного поспала.

«Я слышал о ее кошмарах. Мои комнаты рядом с моей гриффиндорской комнатой. Ее крики… Они говорят об ужасных вещах».

"Я не сомневаюсь в этом. Эти ее глаза... От них у меня мурашки по коже. Она посмотрела на меня с жалостью, как будто знает, что случилось в прошлом..."

Этот разговор заходил туда, куда Дамблдор не хотел, поэтому он многозначительно посмотрел на всех и передал картошку. Он улыбнулся, увидев, как быстро они ему повиновались.

Как только обед закончился, шестеро подростков отправились обратно в гостиную, довольствуясь тем, что оставались дома весь день. Хотя снежная буря снаружи не была похожа на метель, было все же слишком холодно и ветрено, чтобы выходить на улицу без какой-либо реальной причины. Они проводили время, играя в разные игры или выполняя домашние задания. В то время как Гермиона позаботилась о том, чтобы вся ее домашняя работа была сделана до прихода Гарри, Джеймс и Сириус этого не сделали.

Гермиона счастливо улыбнулась про себя, наблюдая, как Ремус обдумывает свой следующий ход, проводя смутное сравнение с шахматной доской, с которой она столкнулась в первый год... Теперь она играла в шахматы намного лучше. Сириус и Гарри ладили намного лучше, чем раньше. По какой-то причине Сириус перестал смотреть на нее одиноко и, казалось, оправился от своей нелепой влюбленности.

Лили помогала Джеймсу пересматривать, щедро вознаграждая его поцелуями, так как не было первокурсников, которые могли бы травмировать на всю жизнь. Сириус в кои-то веки полностью погрузился в работу, проделав за одну ночь в два раза больше работы, чем за все время, пока у них был перерыв.

Откинув голову назад на руку Гарри, Гермиона двинула своего слона, чтобы захватить ладью Муни. Гарри улыбнулся ей и возобновил поглаживание ее волос. Это заставило ее улыбнуться еще шире, когда она поняла, что рука Гарри провела по ее кудрям. Он продолжал заявлять о своей любви к ее волосам, и даже если она была убеждена, что ей будет лучше отрезать их все, он начал раздражать ее. Она все еще боялась, что он спросит о прошлой ночи. Она беспокоилась об уровне его опыта, но это было не единственное, и она была полна решимости рассказать ему, не желая скрывать от него всю правду.

Это казалось ужасно тщеславным и ребяческим с ее стороны. Когда его рука коснулась ее бока, она могла думать только о том, что он почувствует ее шрам. Что он почувствует это, затем отстранится, чтобы посмотреть на это, а затем испытает полное отвращение и отключится из-за обезображивания. Когда проклятие Долохова поразило ее в Отделе Тайн, ей очень повезло, что она заставила его замолчать. Ей повезло бы еще больше, если бы она оглушила его, но нищие не могут выбирать. Мадам Помфри и Северус Снейп потребовали немалого мастерства, чтобы спасти ее, учитывая, что, если бы Долохов полностью владел своим голосом, она была бы разрезана пополам. Шрам все еще был на месте и так и не зажил

полностью. Он шел от ее нижней части спины через ее левое бедро, идя толстой линией по ее животу и между ее грудями по ее правому плечу.

Прошло некоторое время с тех пор, как она думала об этом. Она была во Франции с родителями, и ей немного помогло то, что она оказалась на пляже в бикини. Однако инцидент на их шестом курсе заставлял ее думать об этом всякий раз, когда она имела дело с мальчиками, которые ей нравились, особенно с Гарри. Кормак видел ее в платье на вечеринке Слагхорна и смотрел на нее с отвращением.

— Ты действительно собираешься оставить это открытым? — спросил он, глядя ей в плечо.

"Какая?" Сначала она не поняла, о чем он спрашивает, но когда он указал на ее шрам, она покраснела, а затем тихо спросила: «Ты хочешь, чтобы я его прикрыла?»

Его реакция была немедленной. "Конечно. Не думай, что я буду встречаться с тобой, если ты будешь показывать это на всеобщем обозрении. Ты собираешься что-то с этим делать позже, верно? Например, косметические зелья или что-то, что маглы используют для изменения своей внешности. Это чертовски уродливая Грейнджер».

Эмоции трепетали, она переделала платье так, чтобы оно закрывало весь шрам, тем самым добавляя ему Гламур. Остаток ночи прошел в подавленном состоянии, когда она сбежала от Кормака. Позже, в постели, она гадала, что скажет Гарри. Тогда она решила, что сделает все возможное, чтобы он никогда этого не увидел. На обоих свиданиях она использовала Гламур, чтобы замаскировать шрам. Однако он все еще был там, и если бы вы провели по нему рукой, вы бы все равно почувствовали его. Она не знала, как отреагирует Гарри. Она была почти уверена, что он не отреагирует на это откровенным отвращением, как это сделал Кормак. С другой стороны, она не была уверена, что он не попытается утонуть в чувстве вины. Ее Гарри всегда брал на себя вину за то, что на самом деле не было его ошибкой. Но именно это делало его Гарри, поэтому она старалась не слишком жаловаться, когда он это делал.

Она никогда ни с кем не говорила о том, как близка была к смерти той ночью в Министерстве. Это не принесло бы никому пользы, особенно ей или Гарри. И говоря (думая, на самом деле) о Гарри, она еще больше укрепилась в своем желании рассказать ему, что ее беспокоило, когда она увидела взволнованный взгляд, который ей не суждено было увидеть. Она ухватилась за первую причину, которая пришла ей в голову, и, по правде говоря, это тоже было правдой.

Ей не потребовалось слишком много времени, чтобы победить Ремуса. Гарри и Рон всегда находили забавным, что она обнаружила горячее желание научиться играть в шахматы после их приключений на первом курсе. Она и Гарри были бы беспомощны, если бы рядом не было Рона, а Гермиона ненавидела быть настолько беспомощной, что ей приходилось полагаться на эту рыжеволосую черную дыру. Она тряхнула головой, чтобы избавиться от мыслей, которых на самом деле не хотела, и покачала головой, когда Ремус предложил еще одну попытку. Вместо этого она взяла Гарри за руку.

— Хочешь немного прогуляться со мной? Гарри не был идиотом и знал ее много лет. Он знал,

когда она хотела о чем-то поговорить, и был уверен, что прекрасно понимает, о чем она хочет поговорить.

"Конечно. У нас еще есть добрый час до обеда." Они взялись за руки и вышли из общей комнаты, подождав, пока Полная Дама закроется, прежде чем открыть рты.

"Гарри-"

"Гермиона-"

"Ты иди первым"

Все было сказано в унисон, и оба замолчали, потом расплылись в улыбках. Гермиона застенчиво ухмыльнулась, когда ее махнули вправо, что должно было привести к лестнице, ведущей к Астрономической башне. — Может, нам стоит подождать где-нибудь в более уединенном месте?

К счастью, Гарри улыбнулся в ответ. «Правильно. Веди».

Им потребовалось всего десять минут, чтобы добраться до Башни, и еще три, чтобы освоиться с согревающими чарами и Сотворенным одеялом. Бок о бок они какое-то время сидели в тишине, прежде чем Гарри начал говорить.

«Мне очень жаль, Миона. Это было совершенно неправильно с моей стороны. Раньше у меня была неправильная идея, и я должен был понять...»

— Нет, Гарри. Это полностью моя вина. Я не сказал тебе всей правды прошлой ночью. Трудно было подобрать слова. Она просто хотела, чтобы эта ночь закончилась...

Голос Гарри немного ожесточился. "Что такое вся правда?"

Гермиона закусила губу, затем глубоко вздохнула. — Обещай не чувствовать себя виноватой или скажи, что это твоя вина? Она вздрогнула, когда подумала о том, как это прозвучит для него, но все равно ждала, пока он согласится.

Получив краткий кивок, она продолжила. «Я была немного напугана. Это был первый раз, когда я зашла так далеко с мальчиком. Мне очень жаль. Но я также беспокоилась о своем шраме». Последние два слова были сказаны слишком тихо, чтобы Гарри мог их услышать.

"Приходи еще?" — спросил он, не уверенный в том, что услышал.

— Мой шрам, — сказала она громче. — Из отдела Тайн. С тех пор, как меня проклял Долохов.

Она могла слышать замешательство в голосе Гарри, когда он начал говорить. «Но я не вижу его. Я думал, что он зажил, понимаете... его не было вчера или позавчера».

«Я ведьма, Гарри. Я использовала Гламур. Ты никогда его не видел, потому что я попросила Молли сделать это в доме № 12, а когда я училась в школе, я делала это сама, когда выходила без мантии. чтобы камень выглядел так, будто он покрыт мхом, но если вы прикоснетесь к камню, он все равно будет гладким». Она ненавидела, как грустно звучал ее голос. — Твоя рука была примерно в сантиметре от него, и я...

Голос Гарри звучал грубо, и он обнял ее за плечи. — Меня никогда не волновал шрам, Гермиона. Это не может быть так уж плохо, — закончил он немного неуверенно. Он мало что мог вспомнить из той ночи, из того времени. Он помнил, как упала Гермиона, когда чувствовал себя таким опустошенным, пока Невилл не нащупал пульс. На самом деле он не помнил ни масштаба проклятия, ни каких-либо подробностей.

Голос Гермионы немного дрожал, когда она говорила. "Это."

Гарри казался более чем немного неуверенным, когда он сделал свою просьбу. "Могу я увидеть?"

Гермиона ахнула, прежде чем взять себя в руки. Для него было совершенно логично хотеть увидеть, учитывая то, что она сказала. Но она пообещала себе...

«Пожалуйста, Миона». Голос Гарри был напряженным. "Пожалуйста, я-"

"Хорошо." Гермиона снова судорожно вздохнула, а затем начала расстегивать мантию, тряся руками. Это шло вразрез со всем, чего она хотела. Она позаботилась о том, чтобы замаскировать свой шрам, когда Гарри прожил почти два года. Сняв мантию, она встала, и Гарри последовал ее примеру. Они оба стояли на одеяле, Гарри пристально смотрел на нее, встревоженные глаза. Медленно она подняла левую сторону рубашки, натянув ее чуть ниже лифчика.

«Финте Инкататум».

Гарри судорожно вздохнул, когда Гламур упал. Впервые он увидел уродливую изогнутую линию, огибающую ее бедро и поднимающуюся выше пупка. Она была толстой и приподнятой, красной и раздраженной. Его глаза скользили по шраму, а мысли крутились так быстро, что Гермиона почти могла это слышать.

«О, Миона. Мне жаль, мне так жаль...» Гарри сходил с ума, опускаясь на пол, не сводя глаз с ее живота. Гермиона сбросила рубашку, опускаясь вместе с ним.

— Ты обещал, что не будешь чувствовать себя виноватым. Это полностью моя вина в том, что Заставил Замолчать, а не Оглушить Долохова. Это преподало мне ценный урок и…

- Если бы не я, тебя бы там не было.

Гермиона подползла к Гарри и крепко обняла его, уголки ее рта слегка приподнялись, когда он обнял ее в ответ. «Не думай ни секунды, что я сожалею о том, что был там. Если бы я вел себя так, нам никогда не пришлось бы идти. Но раз ты тоже, то и я тоже. ... Гарри Поттер, я никогда не хочу быть нигде, кроме как рядом с тобой.

Гарри поднял глаза, полные непролитых слез, на ее лицо. "Но-"

— Никаких «но». Я люблю тебя и хочу быть с тобой, когда ты в опасности, а когда нет. Для меня это не имеет большого значения, Гарри. Гарри просто держал ее на мгновение, успокаиваясь. Гермиона много раз видела, как он плачет, но это был не один из них.

"Спасибо, Миона. Вы не возражаете?" Она поняла, чего он хотел, и почувствовала себя немного лучше. Она снова встала, подняв рубашку так, чтобы был виден ее живот. Гарри остался лежать на полу, его голова была на уровне ее живота. Осторожными пальцами он провел по шраму от ее спины до того места, где она держала рубашку. Она смутно заметила, что дрожит, потерявшись в ощущениях.

Вот почему она была совершенно потрясена, когда Гарри внезапно прижался краем лица к ее талии. Поцеловав ее в пупок, он встал, взял ее лицо в свои руки и крепко поцеловал.

«Гермиона Джейн Грейнджер. Я люблю тебя: каждую часть тебя, от твоего разума до твоего шрама. Никогда не думай, что тебе нужно что-то скрывать от меня. Хорошо?» Гермиона почувствовала такое облегчение, что просто кивнула и позволила ему обнять себя.

Но она должна была быть уверена. «Это не вызывает у вас отвращения? Это не беспокоит вас и не вызывает у вас тошноты?» Выражение отвращения в глазах Кормака было трудно забыть. Она не хотела, чтобы Гарри смотрел на нее так же...

"Конечно, нет. Что заставило вас думать что-то подобное?" Гарри успокоил ее.

Срывая голос, она рассказала ему о Кормаке, наблюдая, как его глаза становились все тверже и тверже, делая глубокие вдохи, чтобы держать свою магию под контролем.

— Я убью маленького мерзавца. Этот придурок, полная глупость маленького… Взгляд в глазах Гарри был действительно пугающим.

«Гарри. В этом измерении он еще даже не родился. Успокойся». Потребовалось некоторое время, но Гарри совладал со своими эмоциями.

«Мне жаль, Миона. Мне жаль, что я был таким тупым, что тебе даже пришлось подумать о том, чтобы пойти с этой ходячей кучей дерьма в форме человека».

Это заставило Гермиону рассмеяться, и, прежде чем они оба это осознали, они вернулись к тому, чем были раньше, улыбались, разговаривали и смеялись, пока не поняли, сколько сейчас времени, и им пришлось поторопиться на ужин.

По словам Джеймса и Сириуса, Рождество закончилось слишком рано, и про себя Гарри с ними согласился. Однако девушки были счастливы, с нетерпением ожидая 30-го числа, когда они со своими бойфрендами отправятся в гости к родителям и сестре Лили.

Утро 30-го было наполнено большой подготовкой, поскольку квартет одевался и беспокоился о предстоящем визите.

Хуже всех была Лили, взволнованная и счастливая, но крайне нервная из-за перспективы вежливо поговорить с сестрой впервые за шесть с половиной лет.

Когда день наконец настал, Лили и Гермиона провели большую часть дня в своей спальне, разговаривая и готовясь к визиту к Эванам. Им пора было одеваться, и Лили начала сомневаться почти во всем, о чем думала раньше.

— Гермиона? Из-за этого я выгляжу так, как будто я изо всех сил стараюсь? Гермионе было очень тяжело видеть свою подругу такой взволнованной и неуверенной в себе.

«Ты хорошо выглядишь, Лили. Вот, повернись, чтобы я мог застегнуть тебя». Лили была одета в красивое платье, красное, с длинными рукавами и более длинным подолом, чем привыкла девушка. На ней были подарки от друзей, и она выглядела прекрасно в своем наряде.

На Гермионе был браслет с подвесками и красивая пара сережек. Сослужило ей службу и красивое платье, старое платье Лили, переделанное под нее. Девушкам потребовалось всего несколько минут, чтобы сделать прическу, и Лили, и Гермиона предпочли оставить ее распущенной.

Нанеся легкий макияж, Гермиона пошла вниз по лестнице в гостиную. Джеймс и Гарри ждали, и оба были на нервах. Понятно, что Гарри был не очень рад снова увидеть свою тетю, а Джеймс нервничал из-за встречи с родителями Лили. Но все они хотели быть рядом с Лили, поэтому неудобная компания направилась в офис МакГонагалл, откуда они отправились в Хогсмид по каминной сети; Джеймс аппарирует Лили, а Гарри и Гермиона аппарируют в парк в двух минутах от дома Лили.

Немного любопытствуя, они наблюдали, как Лили прогуливалась по своему старому району, махая рукой нескольким людям, которых она встречала. Когда они подошли к дому, по машинам впереди они поняли, что Петуния уже была там. Глубоко вздохнув, Лили позвонила в дверь, слегка улыбаясь, слушая, как он эхом разносится по дому.

http://tl.rulate.ru/book/79341/2397801